

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В.М. СЕРГЕЕВ

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ И УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ПРАКТИК СВОБОДЫ И ПРИНЦИПОВ ОТКРЫТОГО ДОСТУПА

*Сергеев Виктор Михайлович, д.и.н, к.ф.-м.н.,
директор Центра глобальных проблем ИМИ,
профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: laris-pulena@rambler.ru*

Аннотация

В работе предлагается новая версия классификации политических режимов, впервые сформулированной Д. Нортон. Основным отличием предлагаемой схемы от классификации Д. Нортона, основанной на политэкономическом анализе, является введение нового члена классификации — «постреволюционных режимов».

Показано, что европейская история — это история постепенного распространения «расширенного порядка» с Запада Европы на Восток в условиях существования некоей разделительной линии, или промежуточной зоны, внутри которой реализуются «постреволюционные режимы».

Ключевые слова: *социокультурные параметры развития обществ, естественное государство, общество/государство открытого доступа, общество/государство расширенного доступа, постреволюционное общество, социально-политическое и экономическое развитие Европы, динамика мир-экономик.*

Разработанная Стейном Рокканом концептуальная карта Европы [10; см. также 11] ясным образом — аналитически и визуально — не только представляет структуру этой части света, но и раскрывает исключительность как ее отдельных частей, так и всего европейского «телосложения» конституции Европы. Действительно, политическая и экономическая структуры этого континента весьма удивительны и сильно отличаются от аналогичных структур других континентов земного шара.

Для анализа изменений, происходивших на европейском континенте, нужна какая-то разумная классификация состояний обществ, так сказать, «социальных режимов». Хорошо известны многочисленные попытки осуществить такую классификацию, используя стадийные представления. Такова, в частности, марксистская стадийная классификация, но историческая эволюция крайне плохо укладывается в стадийную по причине «неэргодичности» социальных систем, а именно — вследствие возможности постоянных принципиально новых изменений, которые невозможно предугадать [8].

Кроме того, основания для классификации не удастся, как правило, сделать универсальными, так как в условиях значительной постоянной неопределенности любые постоянные основания классификации имеют тенденцию терять свое значение. Фактически приходится признать, что развитие различных регионов мира имеет свою собственную динамику, и определяется эта динамика социокультурными параметрами, так как социокультурные параметры меняются значительно медленнее политических и экономических параметров. В качестве примера можно привести Японию, в которой за последние 100–150 лет произошли драматические политические и экономические изменения, тогда как социокультурный код практически не поменялся [2].

Попытки ввести индикаторы развития не приводят к успеху, так как имплицитно предполагается, что эти индикаторы являются универсальными. Но что общего в развитии Северной Европы, Центральной Африки, Латинской Америки и Китая? Модели глобализации также оказываются неработающими, так как не улавливают культурную специфику регионов.

В последние годы были сделаны попытки понять институциональные причины эволюции государств [7; 8; 9] и построить классификатор, «заглубив» для этого модели описания [4] и противопоставив «естественное государство» обществам «открытого доступа». Суть этой классификации сводится к определению способов контроля над насилием в обществе. Так как это один из важнейших социокультурных параметров, то временной интервал, на котором работает эта классификация оказывается значительным — порядка тысяч лет.

«Естественное государство», согласно [4], — это государство, в котором насилие сдерживается благодаря соглашению между элитами общества (при этом роль масс в сдерживании насилия может быть достаточно мала). В отличие от него государство «открытого доступа» предполагает, что «1) консолидированная организация военных и полицейских сил подчинена контролю политической системы; 2) политическая система должна быть ограничена набором институтов и стимулов, ограничивающих нелегитимное применение насилия; 3) для того, чтобы политическая фракция или партия оставалась у власти, она должна обладать поддержкой широко определенных экономических и общественных интересов». [4, с. 69].

На наш взгляд, это определение несколько ущербно. Современные государства научились достаточно хорошо манипулировать выборами и использовать судебную систему для организации нелегитимного насилия. Причем эти явления чрезвычайно широко распространены, и говорить об «открытом доступе» в этом случае трудно (подробнее см. [5]). Поэтому я предпочитаю говорить о государстве «расширенного доступа», так как настоящий «открытый доступ» можно наблюдать в действительности только в полудюжине североевропейских государств.

Второе изменение, предлагаемое мною для внесения в систему классификации из [4], состоит в том, что в нее вносится третий член, а именно — «постреволюционные государства», в которых в результате обострения социальных отношений необходимость бороться с хаосом приводит к установлению тотальной диктатуры, то есть к подавлению с помощью насилия всех групп общества с опорой на массы (которые в свою очередь подвергаются выборочным репрессиям). Примеров таких обществ множество, начиная с Римской империи. К ним относятся, в частности, постреволюционная Россия и постреволюционный Китай.

Ниже мы попытаемся описать историческую эволюцию Европы, используя трехчленную классификацию: «естественные государства» — «постреволюционные государства» — «государства расширенного доступа». Такое усовершенствование модели Норта, Уоллиса и Вайнгаста дает возможность описать постреволюционные казусы Франции, России, Испании, Центральной Европы, Германии. Используя эту классификацию, мы покажем, как, начиная с XVII века, по Европе распространяется волна революционных изменений, приводящих к доминированию «расширенного доступа». Такая «заглубленная» классификация государств — именно государств, а не режимов — дает, по нашему мнению, не только более адекватную картину исторической эволюции Европы, но и позволяет пояснить ряд ключевых вопросов, связанных с оценкой современной ситуации. Тот факт, что в ее основе лежит структура отношений между элитами и, так сказать, «структура насилия», позволяет значительно расширить временные рамки ее действия — примерно до 10–12 тысяч

лет. Она позволяет подойти к ответу на вопросы, на которые раньше трудно было ответить в силу чрезмерной дробности классификаций. Еще одним достоинством предлагаемой классификации является то, что она позволяет обойти вопрос о роли цивилизационных различий, дискуссионный в принципе и особенно болезненный в случае исследования границ между цивилизациями (проблемы так называемого лимитрофа) — ср., в частности, отмеченный В.Л. Цымбурским [6] феномен «восточно-европейского лимитрофа», который после двухсот лет отсутствия на европейской исторической сцене с такой силой проявился в последние годы.

МЕНЯЮЩИЕСЯ КОНТУРЫ ЕВРОПЫ И ЕЕ НЕИЗМЕННАЯ КОНСТИТУЦИЯ

На протяжении последнего тысячелетия в Европе не один раз резко менялись соотношения в уровне развития ее различных частей. Если посмотреть на тысячу лет назад, то мы увидим значительную разницу между юго-востоком Европы, где доминировала Византийская империя с ее высокоразвитой цивилизацией, и остальной Европой, за исключением Италии (которая находилась под сильным влиянием Византии). Север, запад и юго-запад Европы представлял собой множество полуоформившихся варварских королевств, в отдельных центрах которых можно было найти очаги цивилизации. Что касается северо-востока Европы, то он только-только выходил из догосударственного состояния и понемногу начинал приобщаться к ценностям христианской религии.

Уже к XIII веку ситуация радикально изменилась: в Италии, Франции, Англии и Германии начался Проторенессанс (или Предвозрождение). Византия, после разгрома её столицы крестоносцами в 1204 году, сильно деградировала. Скандинавия оставалась периферией, европейский Северо-Восток подвергался медленному воздействию христианизации. Понемногу выходили из застойного состояния государства Иберийского полуострова, которые вели ожесточенную борьбу с арабами и берберами. Европейские государства и предгосударства этого периода представляли собой «естественные государства».

Ещё через два столетия структура Европы опять существенно меняется — окончательно исчезает Византия, завоеванная турками, которые овладевают большей частью юго-восточной Европы. В связи с завершением Реконкисты и Великих географических открытий происходит расцвет культуры в Испании и Португалии. Италия становится центром Ренессанса, достижениями которого пользуются Англия, Франция и Германия. И в этот момент начинается формирование «государств расширенного доступа» в Северной Италии и на территории Бургундского герцогства.

Проходит ещё 200 лет, в течение которых центр экономической активности совершает движение вокруг западной части континента, перемещаясь последовательно из Венеции в Лиссабон, затем — в Антверпен, затем — в Амстердам [3]. Расширение торговли вызывает необходимость изменения «структуры насилия», что особенно хорошо видно на примере Венеции, а также некоторых городов в Нидерландах. Насилие ставится под «общественный контроль» городскими властями. При этом следует заметить, что в остальной части Северной Италии нелегитимное насилие процветает.

С этого момента, согласно [4], в Европе начинают формироваться порядки «расширенного доступа». В течение 100 лет происходит короткий расцвет Нидерландов, затем экономический центр перемещается в Лондон [1]. Ослабевают государства Иберийского полуострова, по-прежнему контролируемые при этом огромные территории в Америке и Африке.

Начинается эпоха доминирования европейского Северо-Запада. Мировыми державами в XVIII столетии становятся Англия и Франция, ставшие на путь построения «государств расширенного доступа», и набирающая силу, но остающаяся «естественным государством» Пруссия. Австрия и Польша, истощенные длительными войнами с Османской империей, понемногу теряют силы, а Польша в конце XVIII века и вовсе исчезает с европейской карты, будучи разделена между Россией, Австрией и Пруссией.

Сначала XVIII века начинает подниматься Россия, разгромившая недолгосуществовавшую балтийскую империю шведов и освоившая огромные пустынные территории на Востоке. В этот период на западе Европы начинаются социальные трансформации, которые через 200 лет приведут к распространению «расширенного порядка» в Европе.

XIX век начинается с наполеоновских войн и после краткого периода доминирования Франции приводит в результате Венского конгресса к гегемонии пяти держав Европы: Англии, Франции, Пруссии, Австро-Венгрии и России, образовавших «европейский концерт». В связи с распространением идей демократии и свободной торговли начинает изменяться и характер «естественного государства».

Но «концерт» оказался недолговечным — война 1870 г. между Пруссией и Францией, закончившаяся поражением Франции, объединением Германии и провозглашением Германской империи, полностью перекраивает европейскую политику. Возникает два блока — «тройственный союз» в составе Германской империи, Австро-Венгрии и Италии и противостоящий ему франко-русский союз, который впоследствии расширяется за счет Великобритании, а из «тройственного союза» выходит Италия, но зато добавляется Османская империя.

Блоковая политика в Европе приводит к Первой мировой войне, результатом которой является гибель четырех империй в Европе: Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской.

Эта война была концом мирового доминирования европейских держав. В глобальной игре все активнее участвуют (включились в нее еще в конце XIX века) США и Япония. Возникшее глобальное противостояние разрешилось Второй мировой войной, результатом которой стал раздел Германии, исчезновение британской и французской колониальных империй и формирование структур биполярного мира, в котором центральным конфликтом было противостояние между США и СССР.

Распад СССР в 1991 г. явился гигантским геополитическим катаклизмом, приведшим к формированию однополярного мира. Роль Европы в этом новом миропорядке, несмотря на образование Европейского Союза, оказалась достаточно мала.

ДИНАМИКА «МИРОВ-ЭКОНОМИК»

Теперь посмотрим на события европейской истории с иной точки зрения, а именно в аспекте экономического развития. Первые центры «миров-экономик», согласно Ф. Броделю, располагались на юге Европы (Венеция, Лиссабон). Затем центры «миров-экономик» переместились на север Европы, последовательно в Антверпен, Амстердам, Лондон. Уже начиная с Амстердама «мир-экономика» глобализуется. Амстердам стал центром не только европейской, но и мировой торговли, а начиная с XVIII века Лондон становится не только центром торговли, но и крупнейшим банковским центром (хотя эта тенденция существовала уже и в Амстердаме, и, кроме того, Амстердам стал крупнейшим биржевым центром Европы). Но, начиная с Лондона, глобальное развитие «мира-экономики» стало сопровождаться концентрацией военной и политической мощи, и уже в XIX веке Британия стала «хозяйкой полумира». Заметим, что такая трансформация вызвала жесточайшее сопротивление на континенте, свидетельством чему стали наполеоновские войны. Центром такого сопротивления стала вторая по мощи европейская держава — Франция, которая после поражения в наполеоновских войнах присоединилась к «британскому экономическому кластеру». К концу XIX века Франция в экономическом отношении казалась не только частью экономического кластера с центром в Великобритании, но и политически вслед за Великобританией и в споре с нею продвигала порядки парламентаризма, а также создала свою обширную колониальную империю. Интересно заметить, что формирование политических блоков в Европе конца XIX века — начала XX века произошло следующим образом: передовой экономический кластер (Франция, Великобритания) объединяется с Россией, находящейся в состоянии быстрого экономического развития, но для этого нуждающейся в инвестициях, которые и обеспечивали ресурсы ведущего экономического кластера и которые не могли быть обеспечены ни Берлином, ни Веной — им с очевидностью не хватало ресурсов для развития Центральной Европы.

В результате поражения Германии и Австро-Венгрии, а также произошедшей в России революции, возникла новая конфигурация сил: Франция и Великобритания оказались истощенными войной, а Германия, Италия и Япония, опираясь на подъем национализма и тоталитарную политику, образовали коалицию, ставящую под вопрос гегемонию «старой Европы».

Следует отметить сходство политического устройства Германии перед Первой мировой войной и наполеоновской Франции: высокая степень централизации политической власти, сосредоточенной в руках одного лица, при наличии (во многом формальных) парламентских институтов, и прямое подчинение армии этому лицу — императору. Попытка изменить политическую систему в Германии после поражения в Первой мировой войне провалилась, закончившись созданием тоталитарной диктатуры.

Если рассматривать ядро «мира-экономики» после Первой мировой войны как экономику «расширенного порядка» (Ф. Хайек) или как систему государств расширенного доступа в противовес «естественным государствам», то конфигурация 1914 г. сохранялась и в 1939 г., а после нападения Германии на СССР воспроизвелась почти полностью, с учетом присоединения США к союзникам.

Заметим, что политические системы противостоящих сторон повторяли политическую ситуацию 1914 г. (с тем отличием, что царский режим в России был замещен диктатурой Сталина, воспроизводившей многие черты царского самодержавия), а в Японии действовала конституция 1891 г., которая была написана по образцу конституции германской империи (слабый парламент, непосредственное подчинение армии и флота императору, неподчиненность правительства парламенту).

Как эти общеизвестные вещи интерпретируются в рамках концепции открытого доступа?

Разгром Германии, Италии и Японии во Второй мировой войне привел к радикальным политическим изменениям в этих странах. Германия была разделена, а западная часть, оккупированная США, Англией и Францией, федерализована и трансформировалась в парламентскую республику (этот режим был распространен на ГДР после падения Берлинской стены). Подобная трансформация произошла и с Японией, также оставшейся под американской оккупацией. Конституция Японии, ставшей парламентской монархией по образцу Великобритании, было написана американцами. В результате после победы во Второй мировой войне произошло существенное увеличение мощи кластера «расширенного доступа».

По прошествии 45 лет противостояния в «холодной войне» к миру «расширенного доступа» присоединилась очередная порция государств, но при этом адекватно реализовать этот «расширенный порядок» у себя смогли далеко не все новые члены НАТО и ЕС. В России же и ряде постсоветских государств сложилась совершенно особая ситуация. Конституция 1993 г. воспроизвела уже известные образцы Германии и Японии с той разницей, что место императора занял президент, рассматривающийся не как ветвь власти, а как арбитр между властями и потому «стоящий над ними». Слабый парламент, подчинение силового блока президенту — все это тоже было воспроизведено, и через 25 лет после распада СССР началось новое противостояние Западного альянса и России. На этот раз за спиной у России быстро росло экономическое и политическое могущество новой силы — Китая, который, ещё не достигнув равной с США мощи, проводит очень осторожную политику.

Посмотрим на историческую ситуацию, так сказать, с высоты птичьего полета. Мы увидим распространение режима «расширенного доступа» в Европе с Запада на Восток, сопровождающееся войнами на территории контакта между «естественными государствами» и государствами «расширенного доступа», сопровождаемыми сменой политических режимов. В настоящее время этот процесс «споткнулся» об Украину. В предыдущем анализе мы опустили одну фазу — тоталитарный националистический режим в Германии в 1933—1945 гг. Эта фаза и начинает воспроизводиться сейчас на Украине, но встречает сильное сопротивление на Востоке страны. Россия же не созрела до расширенного доступа, как и Китай, а также ряд стран в Восточной Европе. На разделяющей линии снова обостряется напряжение. Неоднородная по уровню политического и экономического развития Украина раскалывается на части.

Попробуем объяснить происходившие события с помощью предложенной трехчленной модели. Первое государство в Европе, которое стало отходить от модели «естественного государства» — это Нидерланды. В XVII веке создание Нидерландами обширной морской империи вызвало взрывное развитие торговли и промышленности, повлияв на социальную ситуацию в Англии, где основы «естественного государства» оказались поколебленными. После революции 1642 г. и короткого периода парламентского правления настал период

постреволюционной диктатуры. Основы «естественного государства» во главе с монархом были сильно ослаблены. Диктатура Кромвеля уже не была «естественным государством», насилие осуществлялось в отношении всех социальных групп общества.

Необходимо заметить, что впервые в истории такая модель возникла в Риме после падения Республики и прихода к власти Цезаря. Впоследствии в европейской истории цезаристская модель будет неоднократно повторяться — каждый раз после сильнейших социальных потрясений. Это то, что мы назовём постреволюционной моделью общества. Постреволюционная модель, как правило, очень сильно идеологизирована. Необходимость постреволюционной модели обусловлена хаосом в обществе, вызванным сломом привычного социального порядка. После достаточно короткого (до нескольких десятилетий) периода господства постреволюционной модели общество либо возвращается к модели «естественного государства», либо переходит к модели «расширенного доступа».

В Англии в 1660 г. произошел возврат к модели «естественного государства», которое, однако, не устроило сложившуюся после революции конфигурацию общественных сил, что и вызвало в 1678 г. «Славную революцию», импортированную из Нидерландов вместе с Вильгельмом Третьим. Войны между Англией и Нидерландами прекратились, образовался протокластер «расширенного порядка» в составе Англии и Нидерландов. Примерно через столетие конкуренция между англо-голландским кластером и Францией и ряд поражений Франции, приведших к потере ею колоний в Америке и Индии, вызвал революционный взрыв во Франции. Высвобождение новых социальных сил привело к мощной экспансии Франции и периоду наполеоновских войн, вместе с установлением постреволюционного режима. Разгром этого режима, в котором существенную роль сыграла Россия, привел к восстановлению «естественного государства» во Франции, которой для перехода к государству «расширенного доступа» потребовалась целая серия революций. Поражение Франции в войне с Германией привело к образованию Германской империи — все еще «естественного государства». Поражение этого государства в Первой мировой войне инициировало революцию не только в Германии, но и в России. Но победа революции в России, Германии и Турции не привела к созданию в этих странах государства «расширенного порядка», а создала типичные постреволюционные режимы. Понадобилась ещё одна чрезвычайно жестокая война, чтобы государство «расширенного доступа» было создано в Германии.

В СССР же продолжал господствовать постреволюционный режим. Революционные события 1991 г., казалось бы, должны были привести к образованию государства «расширенного порядка» в России, но политика Ельцина после нескольких лет бесплодных усилий привела лишь к восстановлению «естественного государства». Не удалась попытка построить государство «расширенного доступа» и в странах вновь возникшего лимитрофа — Молдавии, Украине, Белоруссии, балтийских государствах. Часть из них вернулась в состояние «естественного государства» (страны Балтии, Молдавия, Белоруссия), а на Украине произошел революционный взрыв, приведший к образованию типичного постреволюционного государства.

ЕСТЕСТВЕННОСТЬ, ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ И УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОРЯДКОВ

Попробуем более подробно рассмотреть обоснование набросанной выше схемы. Согласно Д. Норту, «естественное государство» — это государство, в котором осуществляется господство традиционных элит, делящих между собой властные полномочия во избежание роста насилия в обществе. В период революции это господство оказывается поколебленным, и к власти может прийти контрэлита, созданная в борьбе с традиционными элитами, — прежде всего, из-за нежелания последних делиться властью. Новые элиты возникают в связи с развитием социальных инноваций. В случае, когда борьба между новыми и старыми элитами приводит к разрушению государственной структуры, возникает потребность в восстановлении порядка, и формируется цезаристский постреволюционный режим, причём жесткость этого режима может варьировать от тоталитарной диктатуры (природа которой также может быть весьма различна, ср. националистические тоталитарные режимы в Германии и в Италии 1920–30-х гг.) до сравнительно мягких форм латиноамериканских

диктатур и современного режима на Украине. Таким образом, постреволюционное государство (хорошим примером которого является правление Кемаля Ататюрка в Турции) является переходной формой от «естественного государства» к «государству расширенного порядка». В России 1990-х гг. правление Б.Н. Ельцина фактически продолжило традицию распадающегося постреволюционного режима. С приходом к власти В.В. Путина начался возврат к «естественному государству».

Формирование блока БРИКС фактически представляет собой оформление противостояния «естественных государств» с «государствами расширенного доступа», чем и объясняется ожесточенная политическая полемика последних лет. Следует обратить внимание на формы постреволюционного государства. В принципе постреволюционное государство имеет двойственную природу: оно может возвратиться к «естественному государству» или же превратиться в государство «расширенного доступа». Постреволюционное государство как бы ощупывает пространство социальных возможностей, иногда декларируя крайне радикальные социальные идеи, от которых в конце концов приходится отказываться. Процесс отказа от радикальных идей (в отсутствии внешнего вмешательства) иногда затягивается на десятилетия — Россия после 1917 г. и Испания после 1939 г. тому примеры. Часто распад постреволюционного государства принимает форму мимикрии «естественного государства» под формы «государства расширенного доступа» (страны-лимитрофы). Следует отметить, что и «государства расширенного доступа» далеко не сразу окончательно оформляют этот социальный порядок. Такая, казалось бы, классическая страна «расширенного доступа», как США сохраняет многие черты «естественного государства» (господство традиционных элит, мягкий, но уверенный контроль над СМИ).

* * *

Мне представляется, что предложенная модель эволюции мирового порядка, при всей её фрагментарности, всё же обладает значительной объяснительной силой и некоторым прогностическим потенциалом. В конце концов, мы живём в эпоху перехода от сообщества «естественных государств» к сообществу «государств расширенного доступа». Иными словами, в период господства постреволюционной модели. Именно этим и объясняется двойственность современной политики. Она заложена в дуализме постреволюционной модели, отмеченной постоянными колебаниями постреволюционных обществ в вопросе о том, по какому пути им пойти: к обществу «расширенного доступа» или назад к «естественному государству». При этом стран «расширенного доступа» в мире не слишком много (в основном это общества Северной Европы, Скандинавия, Швейцария, Австрия, большинство крупных европейских стран — Германия, Франция, Великобритания, Испания, а также США, Австралия и Новая Зеландия), но и они в той или иной степени все еще сохраняют в себе отдельные черты «естественного государства». Возможно, сохранение этих черт — это отчасти следствие размеров страны. Очень сложно контролировать большую территорию, не опираясь на традиционные элиты.

Замечательными примерами государств «расширенного доступа» служат Швейцария и Австрия, и интересно заметить, что оба государства — федерации, несмотря на их небольшие размеры и малую численность населения. Федеративная форма позволяет в максимальной степени учитывать разнообразие интересов различных групп населения, и не случайно в постреволюционных государствах во многих случаях идет тяжелая борьба между унитаристами и федералистами. Тенденция к распространению автономизации в Европе, даже в странах формально унитарных, таких как Италия и Испания, свидетельствует о том, что расширенный доступ действительно требует большей автономии частей государства: вывод, с которым, наверное, согласился бы Роккан.

UNIQUENESS AND UNIVERSALITY OF FREEDOM PRACTICES AND THE PRINCIPLES OF OPEN ACCESS

*Victor Sergeyev, PhD. (History and Mathematics), Director,
Centre for Global Problems, IIS, MGIMO University.
119454, 76 Vernadsky Ave, Moscow. E-mail: laris-pulena@rambler.ru*

Summary

The author suggests a new version of the typology of political regimes originally formulated by D. North. The main distinction of the proposed taxonomy from that of North, which is based on politico-economical analysis, is the introduction of a new element of classification, namely, “post-revolutionary” regimes.

The paper treats European history as a process of gradual spreading of “extended access order” from West to East of Europe under a condition of existence of an intermediate zone within which “post-revolutionary regimes” are realized.

Key Words: *cultural parameters of social development, natural order state, open access society/state, extended access society/state, post-revolutionary society, socio-political and economic development of Europe, dynamics of world-economies.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Априги Дж.* Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. — М., 2006.
2. *Бенедикт Р.* Хризантема и меч. Модели японской культуры. — М., 2007.
3. *Бродель Ф.* Время мира. — М., 1982.
4. *Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. — 2011.
5. *Сергеев В.М.* Народовластие на службе элит. — М., 2013.
6. *Цымбурский В.Л.* Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. — М., 2007.
7. *Greif A.* Institutions and the Path to Modern Economy. — N.Y., 2006.
8. *North D.* Understanding the Process of Economic Change. — Princeton, 2005
9. *North D., Weingast B.* 1989. Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-Century England // The Journal of Economic History, vol. 49 (1989), № 4, pp. 803–832.
10. *Rokkan S., Urwin D.W.* Economy, Territory, Identity: Politics of West European Peripheries. — L., Beverly Hills, 1983.
11. *Tilly Ch.* Stein Rokkan’s Conceptual Map Of Europe. University Of Michigan. Center For Research on Social Organization. CRSO Working Paper, February 1981, № 229. URL: Deepblue. Lib.Umich.Edu/Bitstream/Handle/2027.42/51003/229.Pdf?Sequence=1